

ВЕЛИМИРЪ ХЛѢБНИКОВЪ.

КОНЬ ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

Ор. № 13.

Бобэоби пѣлись губы
Вээоми пѣлись ѡзоры
Піээо пѣлись брови
Ліэээй пѣлся обликъ
Гзи-гзи-гзэо пѣлась цѣпь
Такъ на холстѣ какихъ-то соотвѣтствій
Виѣ протяженія жило Лицо.

№ 14. Кому сказатеньки
Какъ важно жила барынька
Нѣтъ не важная барыня
А такъ сказать лягушечка
Толста низка и въ сарафанѣ
И дружбу вела большевитую
Съ сосновыми князьями
И зеркальныя топила
Обозначили слѣды,
Гдѣ она весной ступила
Дѣва вѣтренной воды.
Полно, сивка, видно тра
Бросит соху. Хлещет ливень и сѣчетъ
Видно ждетъ насъ до утра
Сонъ, коняшня и почетъ.

№ 15. На островѣ Эзелѣ
Мы вмѣстѣ грезили
Я былъ на Камчаткѣ
Ты теребила перчатки.
Съ вершины Алтая
Я сказалъ „дорогая“.

Въ предгорьяхъ Амура
Крылья Амура.

- № 16. Крылышка золотописьмомъ
Тончайшихъ жилъ
Кузнечикъ въ кузовъ пуза уложилъ
Прибрежныхъ много травъ и вѣръ
Пинь, пинь, пинь! тарарахнулъ зинзиверь.
О лебедиво
О озари!
- № 17. Очи Оки
Блещутъ вдали.
- № 18. Чудовище—желецъ вершинъ
Съ ужаснымъ задомъ
Схватило несшую кувшинъ
Съ прелестнымъ взглядомъ.
Она качалась точно плодъ
Въ вѣтвяхъ косматыхъ рукъ.
Чудовище, уродъ
Довольно, тѣшитъ свой досугъ.
- № 19. Гуляетъ вѣтренный кистень
По золотому войску нивъ
Что было утро, стало день.
Блаженъ, кто утромъ былъ лѣнивъ.
- № 20. Съ журчаніемъ-свистомъ
Птицы взлетать перестали.
Трепещущимъ листомъ
Онѣ не летали.
И какъ высокое крыло
Ночного лебедя грозы
Птица—облако нашло
Бросая сумракъ на низы.
Тянулись таинственно перья
За темнымъ широкимъ крыломъ.
Бѣглецъ науки лицомъ
Я мраку скакалъ напроломъ.

—ДѢВІЙ БОГЪ—.

Посвящается Т

Первое.

Д о ч ь к н. С о л н ц а. Мамонько! Ужъ коровушки ревмя ревуть, водиченьки просятъ сердечныя. Ужъ ты дозвожь мнѣ, родная, ужъ ты позвожь, родимая, сбѣгаю я за водицей къ колодцу, напиться имъ принесу, сердечушкамъ-голубушкамъ моимъ. Не велика бѣда. княжеской дочкѣ разъ сбѣгать до колодца за водой идучи, не перестану я быть дочерью Солнца, славнаго князя Солнца. И плечи мои не перестанутъ быть нѣжными и бѣлыми отъ коромысла. А со двора всѣ ушли слуги нерадивые, кто куда.

Б о я р ы н я. Сходи, родная, сходи, болѣзная. И что это на тебя причуда какая нашла? О коровушкѣ заботу лелѣешь! То, бывало, жемчуга въ воду рѣченку, шутя кидаешь, а стоятъ коровушекъ они, или оксамиты палишь на игрищахъ у костровъ — а стоятъ жемчуговъ они, а то о коровушкахъ заботу лелѣешь. Иди, доня, пойдн, напой ихъ! Только зачѣмъ это кикю надѣла съ жемчужной укой? Еще утащить тебя въ рѣку изъ-за нея водяной и достанешься ты не морскому нѣгуту, а своей родной нечисти. Или боднеть тебя буренушка, а и страшная же она!

М о л в а, д о ч ь к н я з я С о л н ц а. О, мамо, мамо! Буду идти мимо Спячихъ, и не хорошо, если увидятъ меня простоволосой. Лучше жемчужную кикю имѣть, идя и по воду для коровушекъ.

М а т ь М о л в ы. Иди, иди, Незлавушка, иди, иди, красавица! (Цѣлуетъ ее, склоненную, съ распущенными волосами, въ лобъ. Княжна, раскраснѣвшись, съ лицомъ радостнымъ и отчаяннымъ, уходитъ). Только почему это я коровьяго мыка не слышу? Или на старости глуха стала? (Перебираетъ въ ларцѣ вещи).

(Вбѣгаетъ старуха, всплескивая руками).

С т а р у х а. О, мать-княгинюшка! Да послушай же ты, что содѣялось! Да послушай же ты, какая напасть навѣялась! Не соколъ на сѣрыхъ утицъ, не злой ястребъ на голу-

бицъ, на голубицъ невинныхъ, голубицъ ненаглядныхъ, голубицъ милыхъ — Дѣвій—богъ, какъ снѣгъ на голову. Дѣвій богъ онъ явился. Дѣвій—богъ.

Б о я р ы н я. (Въ ужасѣ). Дѣвій—богъ! Дѣвій—богъ!

С т а р у х а. Явился незванный, негаданный. Явился ворогъ злой, недругъ, соколій глазъ. Съ ума насъ свести, дурь нашихъ взбѣситъ. О, сколько же бѣдъ будетъ! Иныя будутъ, шатаясь, ходить, дѣлая широкими и безумными отъ счастья глаза и твердя тихо — онъ, онъ.

Другія, лапушка моя, по разному не взвидятъ свѣта.

К н я г и н я. Ахъ ты напасть какая! Ахъ ты, туча на счастье наше. На счастье наше золотое, никѣмъ не поруганное, никѣмъ не охаянное, не позоренное. Ужъ я ли не наказывала Бѣлынѣ: чуть провѣдаешь, что лихо дѣвичье въ городѣ — ворота на замокъ, на замокъ рѣзные, а ключъ либо въ воду, либо мнѣ. Да собакъ позлѣе пусти по двору, чтобы никто вѣсточки не могъ передать, той ли записочки мелкочетчатой. То-то коровушкамъ пить захотѣлось! То-то въ жемчугахъ идти нужда стала. И дѣвки разбѣжались все. О, лукавая же, ненаглядная моя. И изстрепала бы ея ненаглядныя косы, если бы не любила пуще отца-матери, пуще остатка дней, ее, золотую, и золотую до пять косу. И лишь равно-милъ сине черный кудрями Сновидъ. Но онъ на далекомъ студеномъ морѣ славить русское имя.

(Входятъ другія женщины, всплескивая руками).

Ж е н щ и н ы. Сказываютъ, что царская дочь, какъ селиночка-поляничка одѣта и тоже не сводитъ безумныхъ глазъ съ дѣвичьяго лиха.

А говорятъ, красоты несказанной, ни сонной, ни сказочной, а своей.

А и сѣдя срамницы, сказываютъ, есть и тоже не сводятъ безумныхъ глазъ съ голубоокаго. А онъ хотя бы посмотрѣлъ на кого. Идетъ и кому-то улыбается. А и невѣдомо, кому. Беретъ изъ-за пояса свирѣль и поетъ, улыбаясь. А и зачѣмъ поетъ, а и зачѣмъ поетъ, и откуда пришелъ, и надолго ли, — неизвѣстно. И куда — неслыханно, незнаемо. И куда идемъ — не знаемъ. Ужъ не послѣднія ли времена пришли. Нѣтъ, въ наше время знали стыдъ, и дѣвушки не смѣли буйствовать,

ослушиваясь родительской воли. А нынѣ, куда идемъ — неизвѣстно. Ужъ, знать, послѣднія времена наступаютъ. Ахъ, сѣдые волосы, сѣдые волосы!

Старуха. Что, княгиня, задорого отдашь серебряное зеркало? Дай, посмотрю, можетъ быть, облюбую и люблюю дамъ за него цѣну. Греческой работы. А изъ Фермакопей?

Княгиня. Нѣтъ, жидовинъ изъ Бабилу привезъ.

Доброслава. А, изъ Бабилу! Сколько лѣтъ, столько морщинъ. И глаза ужъ не тѣ, не такъ когда-то блестѣли. Ахъ, молодые дѣвичьи годы. И почему такъ Солнце, закатываясь, знаетъ, родимое, что взойдетъ зарей завтра. А, постарѣвъ, снова ли станемъ молодыми? Нѣтъ, видно не станемъ! Что-то не видно старыхъ подругъ! Ахъ, бывало, инья изъ нихъ черноглазы и быстроноги.

Видно, пойти искать мнѣ мою срамницу! А то нѣтъ?

Княгиня Гордята. Стыдись, матушка! Наши лѣта уже не тѣ.

Доброслава. Хоть разъ взглянуть на него, какой онъ изъ себя.

Княгиня Гордята. Нѣтъ, пошла бы къ Спѣсивия Очи, да не на кого дворъ оставить.

Доброслава. А ты собакъ съ цѣпи спусти. Да побей ихъ хорошенько, чтобъ злѣе были.

Что это, я сегодня нечесаная какая. точно поминки справляю по мужу.

Гордята. И мнѣ, видно, пріодѣться. (Раскрываетъ сундукъ и вытаскиваетъ платьѣ, осыпанное камнями).

Доброслава. Ужъ дай, матушка, и я одѣнусь. Некогда мнѣ бѣжать къ своему скарбу. (Одѣвается). Что это, колоколь? Знать, вѣче. Видно правду сказывали дѣтинушки, что молодцы раздѣлятся, и что одни пойдутъ войной на Дѣвьяго-бога, замыслили его убить, а другіе встанутъ на защиту.

Гордята. Страсти какія! (Обѣ встаютъ и одѣваются).

Доброслава. Что это, шумъ! Знать, недалеко проходятъ. И поютъ и поютъ... Ахъ ты, несчастье какое! (Накидываютъ платокъ и выбѣгаютъ во дворъ на зеленый лугъ передъ частоколомъ князя Солнца).

(Вперед, взявшись за руки и полуповернувшись къ Д. б., идутъ дѣвушки, разсѣивая цвѣты и поютъ).

Дѣвушки. Намъ сказали, что ты человѣкъ,
А мы не вѣримъ, а мы не вѣримъ!
Намъ сказали, что ты богъ,
А мы не вѣримъ, а мы не вѣримъ!
Намъ говорятъ, что ты не Лель,
А мы не вѣримъ, а мы не вѣримъ!

Смотрящая толпа. Вперед шествуютъ дѣвушки, смотрите, смотрите — онѣ въ вѣнкахъ широкихъ прирѣчныхъ травъ, покрывающихъ зелеными лучами ихъ локти, станъ и темя. И каждая, какъ солнце.

(Онѣ выходятъ впередъ и пляшутъ, смотря то на землю, то на учителя. И поютъ. «Намъ сказали, что ты не богъ», поетъ голубоокий сейчасъ, тогда черноглазый запѣвало, — «а мы не вѣримъ» отвѣчаетъ ему — слушайте, слушайте — весь нѣжно пляшущій полкъ, ударяя въ ладоши и довѣря радость въ глазахъ...

Сзади, тѣсняясь, изъ узкаго, стѣсненнаго жестокими суровыми бревнами переулка — его безобразіе уменьшено скатами крышъ, скворешнями и старыми ветлами, выливается, подобно весеннему пруду, толпа и наполняетъ лужайку передъ дворомъ князя. Д. б. идетъ, улыбаясь, преклоняйтесь, преклоняйтесь, и держитъ въ рукахъ тростниковую свирѣль — кружитесь, кружитесь играя, когда онѣ поютъ: «А мы не вѣримъ, а мы не вѣримъ», и молчитъ, когда онѣ поютъ: «Намъ сказали, что ты не ...»

Изъ воротъ славнаго князя Солнца выбѣжали — куда, куда, двѣ знатныхъ боярыни. Мелькаютъ кокошники, вѣнки зеленыхъ полевыхъ травъ, красныя лица, яркіе глаза, радость нѣжной и молодой толпы. Изъ узкаго переулка дѣлается попытка проѣхать на конѣ богатый длиннобородый человѣкъ. Къ нему посылаютъ красивѣйшія изъ дѣвушекъ и, взявши подъ уздцы, отводятъ коня назадъ. И онѣ стоятъ на конѣ неподвижно, смотря на ихъ радость, какъ осокорь на молодой ручей.

Молва. (Радостно говоря). Мамонько. Мамонько. И ты пришла! И Доброслава! Видѣла нашего бога. О, какъ

я рада, что ты пришла! Видишь — вотъ онъ. Онъ сейчасъ засы́ется. Потому что я замѣтила — онъ улыбается всякій разъ, когда поютъ «что ты не богъ». Видишь, онъ сейчасъ смѣется.

Толпа. (Поетъ). ... «намъ говорили, что ты не богъ». и «... амы не вѣримъ...» и «видите, видите...» (Дѣвій богъ улыбается широко и открыто).

Молва. Мамонько, мамонько, къ нему подошла царская дочка и, открывъ покрывало, сняла, чтобъ онъ поцѣловаль ее. Но онъ только посмотрѣлъ на нее и улыбнулся, какъ не знаю, какъ дитя. А она еще веселѣ стала скакать и еще веселѣ бить въ ладоши.

Мамонько. Хорошія коровы, а? И ведра всѣ, видишь, стоятъ на завалинкѣ, и коромысла тамъ. И наши всѣ сѣнныя дѣвушки здѣсь. Вотъ Быстрява, вотъ Зорька и Тиха здѣсь же.

Мамонько, а мамонько! Красивый нашъ богъ?

Гордята. Ну ужъ нечего сказать. Красивъ-то, красивъ, очень красивъ... да... смѣется. Что и говорить, дѣвское чудо! Такъ ты правду говоришь, что здѣсь царская дочь. Да! И она открыла свое покрывало, чтобъ онъ ее поцѣловаль? И онъ ее не поцѣловаль. Вотъ безстыдница! Вотъ ужъ пріѣдешь, береги свою косу! Золотую, чесаную.

Молва. А тамъ, на Перуновомъ полѣ, война. Наши братья защищаются, а наши женихи поклялись его убить. И Гомонъ тамъ, и Тишина, и Крикъ. И Смѣхъ тамъ. И Смѣхъ и онъ за насъ. А Осетръ, Вепрь, Вечерь, Вѣтеръ, схватили мечи и противъ. И всѣ тамъ. Кто за насъ, кто противъ насъ. И только одинъ Небо остался въ храмѣ и молится тамъ. А убить его они все-таки не могутъ, потому что сначала они должны убить насъ, а потомъ ужъ его. А на своихъ невѣстъ никто изъ нихъ не пойдетъ. А нѣкоторые говорятъ, что и убить его нельзя, потому что онъ богъ. А это что. А —! (Подымаетъ воротъ рубахи, и оттуда блистають надѣтые латы). А! (Смѣется). А это что? (Подымаетъ руку, и въ рукѣ изъ-подъ цвѣтовъ блеститъ короткий мечъ).

Гордята. Ахъ ты, батюшки! До чего мы дожили! Дѣвушки въ бронѣ! Дѣвки наши мечи и латы понадѣвали.

Боярыня. О, мать, мать!

Гордята. Такъ нѣтъ же! Не ударить мечъ о твою звонкую кольчугу и не пробьетъ твою нѣжную грудь. Раньше пронизетъ мою сѣдую грудь и грудь вѣрныхъ нашихъ слугъ, а потомъ уже дойдетъ до тебя. Я защищу тебя, мое дитячко ненаглядное. Иди, иди, смотри на своего бога; сколько хочешь смотри, въ волю смотри и не бойся. Я, старая мать твоя, здѣсь, съ тобой. Не оставлю тебя. Сѣнныя дѣвушки, идите за ней. И за своего бога не бойся. Но посмѣютъ мальчики сдѣлать вотъ столько зла. Иди. любуйся на него въ волю. Ужъ я не выдамъ своего дитяти. И слуги здѣсь. И старая испытанная челядь здѣсь. Пой, пой.

Посторонніе поющіе. Вонъ, дѣвушки прекраснѣйшаго племени, надъ головой держа вѣнки изъ травъ, пляшутъ и поютъ: «Намъ наши глаза сказали, что ты не человѣкъ. А мы имъ вѣримъ! А мы имъ вѣримъ!» О, какое ликование и какая радость. Сколько веселоглазыхъ и радостноликихъ. Но что это, шумъ голосовъ на сосѣдней площади. Видно мимо частокола островерхаго забора, какъ кто-то проскакалъ на конѣ съ копьемъ и въ золотомъ шишакѣ и отступилъ. И ужъ онъ падаетъ съ коня, увлекая за собой длинное дрожащее копье. Ахъ, это Ручей упалъ, Слышимъ, слышимъ звонъ мечей. Теперь ужъ не разслышать ни богу, ни смертному, пѣсни вокругъ него. Все слилось въ общій стонъ и радость. И кружатся, и кружатся, быстрѣе можно-ли кружиться. И онъ стоитъ, улыбаясь, и держитъ въ рукахъ свирѣль.

Глаза всѣхъ запылали не своимъ огнемъ. Нѣкоторые стоятъ, отклонившись, и держатъ поднятымъ двуострый огненный мечъ. Таинственнымъ образомъ на головахъ нѣкоторыхъ заблестѣли шишаки — о, какъ прекрасна гребнистая мѣдь на смѣющихся кудряхъ. Какъ лихо надѣты шишаки, защита отъ беспощадныхъ стрѣлъ.

Молва. Мамо! Мамо!

Толпа. Все яростнѣе битва, завываніе битвы. Тамъ и здѣсь раздаются стоны. И вотъ уже изъ переулка бѣгутъ убить бога. Имъ разсыпается навстрѣчу толпа дѣвушекъ въ шишакахъ и съ мечами.